

Елена МОРОЗОВА, Алла ФАЛИНА

Модернизация как концепт современной политологии

Анализ работ отечественных и зарубежных авторов по проблеме российской модернизации демонстрирует как разнообразие подходов и позиций, так и значительную рассогласованность мнений об их эффективности. С одной стороны, дискуссия есть свидетельство того, что идея модернизации продолжает тревожить исследователей, осознающих важность рефлексии по поводу перспектив адаптации страны к условиям жесткой глобальной конкуренции. С другой стороны, релевантность и эффективность дискуссии зависят сегодня не только от гражданской позиции и интеллектуальных усилий исследователей, но и от внешних обстоятельств. К ним следует отнести прежде всего наличие или отсутствие четко осмысленного и внятно артикулируемого, понят-

ного и для элит, и для граждан стратегического курса на модернизацию, который обеспечивал бы России будущее, достойное ее многовековой истории и культуры.

К сожалению, сегодня российская модернизация – это, скорее, думы о былом, нежели зримая реальность. Неуверенность относительно когда-то заявленного курса, проблемы противостояния мировому кризису, противоречивость общественных настроений, когда общее недовольство существующим положением и запрос на изменения сопрягаются с неготовностью и власти, и общества действовать в направлении изменений, усложняют задачу исследователей, увеличивают разброс высказываемых мнений от вполне оптимистических до почти «апокалиптических» [1]. Однако, как сказано современ-

Елена МОРОЗОВА – доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС

Алла ФАЛИНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры политологии и политического управления РАНХиГС

ным пророком, любая поворотная эпоха по сути своей апокалиптически [2]. А таковой и является модернизация. И это парадоксальным образом не только тормозит, но и стимулирует научный поиск.

Истоки собственно научного знания о модернизации идут от возникшей в XVIII в. «теории прогресса», сформировавшей представление о том, что разные народы и культуры развиваются в соответствии с одними и теми же закономерностями, а разница между обществами определяется разной степенью их развития.

Что касается термина «модернизация», то подавляющее большинство исследователей разделяют классическое понимание модернизации как процесса перехода от традиционного, аграрного общества к обществу современному, индустриальному.

Параллельно «модерну» и «модернизации» возникло понятие «модернити» или «общество модерна», означающее социум, преобразившийся в результате расширения рыночных отношений, осуществления индустриализации, урбанизации, секуляризации, развития демократических политических институтов. Методологической основой трактовки новых смысловых единиц служила универсалистская позиция, согласно которой развитие всех стран и народов идет в одном направлении, через одинаковые стадии и закономерности. Национальные особенности значимым фактором модернизации не признавались.

Дальнейшее развитие «модернизационного» понятийного аппарата пришлось на начало 1980-х гг., когда произошла реабилитация традиции и были признаны возможности национальных моделей модернизации, являющих собой синтез передовых общественных практик и их гармоничного сочетания с историческими традициями и ценностями незападных обществ. На новом этапе стала признаваться и неизбежность отрицательных эффектов модернизации, проявляющихся в социальной дезорганизации, аномии, росте девиантного поведения и т. д. В научный оборот вошли тогда понятия «антимодернизация», «контрмодернизация», «альтермодернизация»*. Последнее достаточно корректно описывает тенденцию преодоления европоцентризма, вестернизации, учета самобытной культуры традиционных социумов. В этой связи понятно, что современная трактовка модернизации уже не является точной копией образца середины прошлого века.

Немаловажное значение для дискуссии о сущности модернизации имеет напоминание о возможности узкого и широкого подходов к трактовке последней. Обратимся к мнению известного американского ученого Р. Пайпса, считающего, что в узком смысле под модернизацией чаще всего понимают промышленную революцию и индустриализацию, которые являются основой формирования

индустриального общества. А если речь идет о современном этапе модернизационного процесса, тогда говорят о внедрении более современных технологий производства, средств массовой информации, электронной коммуникации. Таким образом, преобразование сельского аграрного общества в городское индустриальное вместе с сопутствующими изменениями, касающимися культуры в целом (в том числе подчинением государства влиянию общества, верховенством права и признанием широкого спектра гражданских свобод) является содержанием модернизации в широком значении слова [3].

Толкование модернизации в немалой степени зависит и от того, как исследователи идентифицируют факторы модернизации, определяют вектор ее развития («сверху вниз» или «снизу вверх»), соотношение спонтанных и управляемых процессов (органическая – догоняющая). В совокупности высказанных мнений иногда присутствуют весьма нетривиальные подходы, которые ставят под сомнение утвердившиеся в политической науке истины. «На мой взгляд, – пишет известный эксперт, председатель правления Фонда «Центр политических технологий» Б.И. Макаренко, – эти дилеммы во многом надуманные, любая модернизация начинается как догоняющая, она порождается ощущением не собственного превосходства, а наоборот, стыда от проигранной войны или ощущением неминуемой угрозы потери конкурентоспособности» [4].

При всем уважении к процитированному автору, с ним вряд ли можно согласиться. Неоспоримым для подавляющего числа исследователей историческим фактом является то, что зародившиеся на заре нового времени модернизационные процессы (в странах «первого эшелона» – Англии, Нидерландах) были обусловлены не внешним фактором (военным поражением), а новыми потребностями, исходившими из недр собственного общества. Речь шла о естественно-историческом, саморегулируемом процессе формирования новых общественных потребностей и новых способах их удовлетворения.

Такова, в самых общих чертах, та система координат, в которой развернулась дискуссия об актуальных смыслах понятия «модернизация». Попробуем увидеть, какие тенденции обозначились в полифонии высказанных мнений.

Вполне явственно обнаружилась тенденция «максимизаторского» подхода к трактовке модернизации. Речь идет о выходе за пределы ее классического понимания как трансформации традиционного общества в современное – по образцу ли западных стран, на собственной ли цивилизационной основе. Признавая легитимность канонических подходов, многие участники проекта предлагали расширить объем понятия модернизации за счет придания ему некоего сверхсмысла – например, перехода от индустриального общества к постиндустриальному или от доиндустриального к постиндустриальному, минуя индустриальную стадию. Так, профессор МГУ В.И. Коваленко находит «узкой» ту трактовку модернизации, которую большинство авторов привыкли считать «широкой», и предлагает распространить понятие модернизации на любой процесс перехода к более высокому

* Альтермодернизацией, т. е. альтернативной (от лат. «alter» – другой), называют модернизацию, идущую не по западным образцам, а с опорой на собственную традицию; «контрмодернизация» (от лат. «contra» – против) и «антимодернизация» (от греч. «anti» – против) – синонимы.

типу общественно-экономической, научной организации общества [5, с. 111]. Один из руководителей московского Центра Карнеги С. Грин, говоря о модернизации, имеет в виду «переход от условно архаичных систем взаимосвязи в обществе, государстве к условно новым системам, способам, схемам взаимодействия. Это, – продолжает Грин, – безусловно, носит нормативный, а не технологический характер, т. е. это не установление новых компьютерных систем... не обновление промышленных мощностей, хотя это может и являться частью этого процесса. Когда, особенно в западном академическом дискурсе, говорят о модернизации... имеется в виду вполне нормативное понятие. Часто говорят об этом в терминах открытости... гибкости, адаптивности. Мы считаем: то, что новое, то, что открытое или кажется нам открытым, или кажется нам гибким, это лучше» [6].

Тенденция к пространственно-временному расширению понятия модернизации проявилась и на страницах известного экспертного доклада «Модернизация России как построение нового государства», презентованного в октябре 2009 г. в Институте современного развития. В этом документе утверждается, что понимание модернизации как преимущественно смены поколений технологий не вполне продуктивно, поскольку вопрос о технологическом развитии упирается в вопрос о существовании общественной среды, способной к воспроизводству, внедрению и использованию этих технологий. Главным предметом модернизации является само общество, точнее – общество модерна. Поэтому модернизация представляет собой процесс формирования в рамках данного государства и в заданных исторических обстоятельствах *общества модерна* [7].

Позитивно оценивая содержащееся в докладе определение модернизации, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС О.Ф. Шабров обратил внимание на то, что феномен модернизации получает здесь историческую пролонгацию и в каждом новых условиях наполняется соответствующим эпохе содержанием – в зависимости от того, что можно считать в тот или иной период «обществом модерна», или «современным обществом». «Одно общество, – отмечает он, – было “современным” в конце XVII–начале XVIII века, другое на рубеже XIX–XX веков, третье – в XX веке. В этом смысле к реформам и Петра I, и П. Столыпина, и большевиков мы с полным основанием применяем понятие модернизации» [8].

Как оценить тенденцию «максимизаторского» подхода к определению модернизации? Вполне очевидно, что универсализация понятия дает новый шанс для углубленного изучения и осмысления, в русле как страновых, так и компаративных исследований, процессов социально-экономического, политического и культурного развития человеческих сообществ, дальнейшего обогащения и усиления научной фундированности классических и новейших модернизационных теорий. В то же время нельзя не отметить и некоторую уязвимость претензий на понятийный универсализм применительно к модерни-

зационному дискурсу. Как бы ни хотелось максимизировать понятия «модернизация», «общество модерна», вряд ли стоит отказываться от давно утвердившихся научных конструктов, имеющих определенные хронологические и пространственные привязки, а также качественные характеристики, включающие такие атрибуты, как рациональный индивид, социальная мобильность, секуляризованное гражданское общество, демократические политические институты. И разве понятие «общество модерна» полностью тождественно «современному обществу»? Разве современность всегда окрашена в цвета модерна? Разве, говоря о современности, мы непременно имеем в виду ценностные характеристики модерна?

Никто не сомневается, что в каждую историческую эпоху существовало и существует современное, соответствующее эпохе общество. Но это не означает, что каждое адекватное своему времени общество можно назвать «обществом модерна». Поэтому вряд ли стоит считать безупречным определение доклада, согласно которому модернизация есть формирование «общества модерна» в любую реформаторскую эпоху. Тем более что и реформа реформе рознь: «Понятие модернизации имеет множественные трактовки, – замечает Б.И. Макаренко, – они могут быть максимально широкими. Ошибкой было бы любые реформы считать модернизационными» [5, с. 16].

В ходе дискуссии выявлена и противостоящая тенденция. Назовем ее «минимизаторским подходом» к модернизации. Так, пользующийся поддержкой большинства тезис «модернизация есть формирование общества модерна» был опротестован главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН А.В. Виноградовым. В его трактовке «у модернизации есть всего один строгий критерий – достижение передового научно-технического уровня, т.е. того, что сегодня называется «инновации» или «инновационная экономика», а социокультурное развитие к модернизации прямого отношения не имеет. Поэтому формирование общества модерна и модернизация рассматриваются А.В. Виноградовым как «качественно разные процессы», параллели и аналогии между которыми условны [9].

Вступая в дискуссию с уже устоявшимся в политической науке признанием возможности успеха национальных моделей модернизации, являющих собой синтез западных общественных практик с историческими традициями и ценностями незападных обществ, адепты подобного подхода признают единственно значимыми для успеха модернизации опору на традицию и умелое использование прежде всего технологического опыта Запада с целью приближения к экономическим показателям последнего. Главным критерием модернизации при таком подходе становится уровень научно-технического развития, инновации, формирование инновационной экономики. Понятно, что в таком ракурсе модернизация предстает не как универсальный, а как абсолютно оригинальный путь развития, окрашенный «не просто утилитарной задачей “догнать”, а воплощающий высокую идею “выйти вперед”» [9].

Понимание модернизации как «прорыва в будущее», способа завоевать или удержать лидерские позиции в мировой конкуренции (что вполне может рассматриваться как национальная традиция России), доминирует у тех отечественных специалистов, которые дают определения модернизации применительно именно к нынешней российской ситуации. «Модернизация, – подчеркивает А.Н. Аринин, – на мой взгляд, это переход от того состояния страны, которое мы имеем в настоящее время, к тому, каким оно должно быть для ее успешного и благополучного развития в высококонкурентном мире. Другими словами, цель модернизации России состоит в том, чтобы создать современную, сильную, процветающую страну» [10].

Большинство специалистов, высказывавшихся на эту тему, формулируют определения модернизации, ориентированные не на какие-либо потребности и задачи изменений во внутрироссийской жизни (коррупция, криминальность, продолжительность жизни, социальная мобильность, права человека, качество взаимосвязей между обществом и государством и т. п.), а на отрицательные экстерналии – ту высококонкурентную среду, которая создана глобализацией и угрожает нашему будущему. Поэтому в российском научном дискурсе модернизация определяется преимущественно в аспекте решения внешних задач – возвращения России утраченного лидерства, укрепления военного могущества, превращения страны в бенефициария глобализации.

Эта позиция контрастирует с подходом западных исследователей, сосредоточенных не на идее завоевания для своих стран места под солнцем глобализации, а на процессах эволюционного развития «от хорошего к лучшему». Свидетельством тому служат слова одного из самых известных современных теоретиков модернизации, британского политического философа З. Баумана: «Что такое модерн? Это использование энергии улучшения. Мы не хотим и не верим в конечность модернизации. Основным мотивом для модернизации является стремление сделать мир более удобным...» [11].

В России любят цитировать слова авторитетного представителя левого направления мировой политической науки Ю. Хабермаса о том, что «западноевропейский путь развития, специфический рационализм которого признавался некогда моделью для всего остального мира, представляется сегодня скорее исключением, чем правилом, то есть неким “девиантным маршрутом”» [12]. Не разделяя в целом этой позиции, все же добавим: модернизация как непрерывное повышение качества жизни действительно является синонимом современности для очень небольшой группы стран. И Россия пока что к их числу не относится.

Попытки «растянуть» понятие модернизации, подогнав под него разнородные процессы общественного развития, могут привести к размыванию смысла, утере содержательной определенности понятия по принципу «модернизация – это наше все». Сомнения в продуктивности универсалистской трактовки российской модернизации особенно усиливаются по мере того, как

цели и характеристики модерна предлагаются в качестве основания для социально-политического переустройства обществ и государств начала третьего тысячелетия.

То, о чем рассуждают такие выдающиеся ученые, как Ю. Хабермас, З. Бауман и другие, касается в первую очередь новейшего этапа западноевропейского развития, когда обозначились особенности и плоды перехода индустриального общества в постиндустриальное. Как раз они и спровоцировали тенденцию к расширительному, универсалистскому определению модернизации как общественно-политического процесса, представляющего собой коренное изменение общественных отношений, ценностей и логики, в которых живет общество, его институциональную перестройку. Налицо признание смены вектора движения, общественных ориентиров, приоритетов, смены парадигмы развития как отличительных, существенных свойств модернизации. Но какой именно? Индустриальной или постиндустриальной? Видимо, обеих, что ставит исследователей перед необходимостью дифференциации различных (по крайней мере, трех) этапов модернизационного процесса: раннеиндустриального, индустриального и постиндустриального (или постмодернизации).

Так может ли понятие «модернизация» использоваться без оглядки на исторический контекст, может ли общество модерна сформироваться в любых, предлагаемых историей обстоятельствах? И всякую ли реформу, нацеленную на завоевание государством лидерских позиций в регионе или мире, можно трактовать как модернизационный процесс? Какая именно индустриализация нам нужна – индустриальная или постиндустриальная, догоняющая или органичная? В восточных или западных пределах искать подходящие для нас образцы преобразований? Не станут ли страхи и тревоги граждан, общий уровень социального самочувствия тормозом на пути модернизации? Классический российский вопрос «куда ж нам плыть...» однозначного ответа по-прежнему не имеет. В главном участники исследовательского проекта солидарны. Обществу требуется широкая и содержательная дискуссия о том, как преодолеть отсталость России, сделать ее современной и процветающей страной. На это нельзя жалеть ни сил, ни времени. Ведь слово творит реальность.

Литература

1. Речь пока о революции в умах. Президент ЦСР Михаил Дмитриев разъяснил “апокалиптические” части своего доклада. URL: <http://lenta.ru/articles/2012/10/26/dmitriev>
2. *Мень А.*, протонерей. Читая Апокалипсис. М., 2000. С. 235.
3. Смысл слова: Модернизация в узком смысле. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2010/04/19/231672>
4. *Макаренко Б.И.* Политическое измерение российской модернизации // Модернизация и политическое развитие России на современном этапе. Отв. ред. А.С. Фалина. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 12.
5. VII политологические чтения кафедры политологии и политического управления «Модернизация и политическое развитие России на современном этапе». Международная научная конференция. 2 апреля 2010 г., Москва. Стенограмма.

6. *Грин С.* Индивидуальная модернизация versus общественная модернизация: опасности для социального контракта // Политическая модернизация в XXI веке: мировой опыт и российская практика. Материалы международной научной конференции. Отв. ред. А.С. Фалина. РАГС. 3 декабря 2010 г. М., 2011. С.22.
7. *Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К.* Модернизация России как построение нового государства. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/10/29/mrkpng>
8. *Шабров О.Ф.* Политическая модернизация России: точки согласия и дискуссии // Модернизация и политическое развитие России. Отв. ред. А.С. Фалина. М., 2012. С. 8-9.
9. *Виноградов А.В.* Политическая модернизация: опыт Китая и уроки для России // Политическая модернизация в XXI веке: мировой опыт и российская практика. Материалы международной научной конференции. РАГС. 3 декабря 2010 г. Отв. ред. А.С. Фалина. М., 2011. С. 27-28.
10. *Аригин А.Н.* Задачи правящей элиты по осуществлению модернизации России // Модернизация и политическое развитие России на современном этапе. Материалы международной научной конференции. Москва. РАГС. 2 апреля 2010 г. Отв. ред. А.С. Фалина. М., 2010. С. 71.
11. *Бауман З.* Российская модернизация в условиях текущего модерна. Стенограмма выступления // Фонд «Стратегия 2020». 31.05.2011. URL: <http://modernity-centre.org/2011/06/02/bauman-04>
12. *Хабермас Ю.* Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество – что это такое? // Русский журнал. 2008. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma>

открытое правительство

Сергей СТУПНИКОВ

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ – КЛЮЧЕВОЙ КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТКРЫТОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Научно-технический прогресс привел к образованию индустриального общества, развитие которого влечет за собой формирование постиндустриального общества с переходом в перспективе к информационному обществу. При этом выявляется ряд противоречий. С одной стороны, бюрократизация органов государственной власти, неумение должностных лиц показать результаты уже выполненных мероприятий и однозначно обозначить свою позицию по актуальным вопросам, а также необходимость обеспечения национальной безопасности и соблюдения интересов государства приводят к сокрытию большей части значимой для общества информации. С другой стороны, возникающий информационный вакуум приводит к домыслам и искажению информации. С учетом свободного доступа к альтернативным источникам информации и отсутствием действующего меха-

низма ее верификации, развиваясь, информационное общество создает, помимо всего положительного, еще и мощный инструмент манипуляции собой. Его использование мы наблюдаем в настоящее время повсеместно.

Отсюда возникает проблема обеспечения прозрачности деятельности органов государственного управления с равным соблюдением противоположных потребностей, а именно, обеспечение национальной безопасности и удовлетворение информационных потребностей гражданского общества.

Одно из направлений развития такого общества – *Партнерство «Открытое правительство»*. Это многосторонняя международная инициатива, созданная с целью объединения усилий стран в борьбе с коррупцией, обеспечения прозрачности, открытости и эффективности правительств во взаимодействии с гражданским обществом.

Партнерство «Открытое правительство» (Open Government

Partnership) [1] было создано 20 сентября 2011 г. в рамках Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Основателями Партнерства выступили правительства Бразилии, Индонезии, Мексики, Норвегии, Филиппин, ЮАР, Великобритании и США, которые приняли Декларацию «Открытого правительства». С сентября 2011 г. к нему выразили готовность присоединиться правительства еще 47 стран.

Для того, чтобы стать членом Партнерства, страны-кандидаты на вступление должны принять Декларацию «Открытого правительства», предоставить разработанный с привлечением общественности план действий по созданию условий для исполнения взятых на себя обязательств соответствовать принципам «Открытого правительства» и обязаться регулярно предоставлять независимым наблюдателям отчетность о выполнении этого плана.

В Декларации утверждаются следующие основополагающие идеи: признается право на расширение сфер участия гражданского обще-